

Юй Юань решил, что Гу Шаочэн очнулся, и уже приготовился проявить заботу, чтобы с лихвой исполнить свой сыновний долг. Однако не успел он и рта раскрыть, как веки Гу Шаочэна отяжелели, и тот снова провалился в забытье.

Юй Юань измерил температуру ушным термометром — жар всё ещё не спадал — и продолжил менять компрессы. В глубоком сне лицо Гу Шаочэна казалось болезненно бледным, а между бровей залегла неразглаживаемая складка тяжёлых мыслей. Мужчина был серьёзно болен, его дыхание — куда слабее, чем у здорового человека, но Юй Юань удивительно легко приспособился к соседству с этим почти безжизненным телом.

Он уже твёрдо решил, что будет ухаживать за Гу Шаочэном до самого его последнего вздоха, стараясь по мере сил отплатить за доброту. И пока он прикладывал прохладное полотенце к шее и локтевым сгибам мужчины, помогая снизить температуру, в памяти один за другим всплывали фрагменты сюжета, связанные с Гу Шаочэном.

В книге не описывалась их совместная жизнь после свадьбы, но Мать Гу, утешая своего драгоценного сына, обмолвилась об этом парой слов. Суть сводилась к тому, что смерть Гу Шаочэна должна была dokonать Старого господина Гу, чьё здоровье и без того оставляло желать лучшего. Врачи давали ему от силы год или два, и она призывала сына потерпеть ещё немного: в будущем всё имущество Клана Гу перейдёт их семье из трёх человек.

Правда, в самом романе главные герои были изображены не столь бесстыдно, как виделось Юй Юаню. Отца Гу, первого в их роду примака, автор описывал как великого человека, который ради великой цели готов был терпеть унижения — прямо как легендарный правитель Гоуцзянь. Якобы он обладал выдающимся умом и внешностью, но был вынужден войти в Клан Гу против воли; якобы он обладал талантом к бизнесу, но годами был прикован к академическим исследованиям в области психических расстройств, лишь бы быть ближе к жене; якобы он был человеком чести, который не мог быть с возлюбленной, но, выждав двадцать с лишним лет и окончательно избавившись от контроля Клана Гу, наконец воссоединился со своей истинной любовью.

Когда Юй Юань увидел этот сюжет во сне, информация вливалась в него с такой скоростью, что он не успел толком поразмыслить, а просто запомнил канву. Но сейчас, оглядываясь назад, он видел массу несостыковок. Вхождение отца Гу в семью в качестве примака было очевидной попыткой бедняка взобраться по социальной лестнице за счёт богатой наследницы. Судя по рассказам Матушки Чжан, Юй Юань никак не мог взять в толк, насколько же «вынужденным» было это вхождение в одну из богатейших семей страны? Конечно, он не подслушивал под кроватью, но раз у них родился Гу Шаочэн... неужели кто-то приставлял к отцу пистолет, заставляя его быть «мужчиной»?

В книге упоминалось, что они познакомились в больнице: отец Гу был стажёром у лечащего врача Матери Гу. Психиатрия — вполне логичная сфера для студента-медика. Но что касается последнего пункта, то Юй Юаню это казалось совсем уж нелепым: главный герой, плод их любви, был ровесником самого Гу Шаочэна. Каким же нужно быть наглецом, чтобы, будучи в браке, крутить роман на стороне и называть это «истинной любовью»?

Чем больше Юй Юань думал, тем яснее понимал: автор слишком уж сильно выгораживал главных героев. Их «фильтр» был толщиной с крепостную стену, а если убрать сияние главных героев, от их образа оставалась лишь куча мусора. И напротив, Гу Шаочэн — молодой господин, родившийся с серебряной ложкой во рту, — не знал ни отцовской любви, ни материнской ласки, скончался в расцвете лет, а всю свою короткую жизнь провёл в муках от болезни...

Диалог Матери Гу с главным героем произошёл, когда тот столкнулся с первыми трудностями в шоу-бизнесе — это был первый конфликт после завязки. Если посчитать, то Гу Шаочэну оставалось совсем немного. Раньше, до этой вынужденной свадьбы, Гу Шаочэн казался ему просто богатым больным слабаком. Юй Юань даже радовался мысли, что после его смерти станет богатым вдовцом, но теперь на душе стало тоскливо. «Бедный Гу Шаочэн...»

Впрочем, раз уж так вышло, он постарается сделать остаток жизни этого человека хоть немного приятнее. Проводить жизнь мягко и с достоинством — в этом и есть смысл хосписного ухода. Поняв это, Юй Юань почувствовал, как гнетущая тяжесть в груди сменилась искренним сыновним рвением к больному на кровати.

Злоупотребление лекарствами окончательно подорвало здоровье Гу Шаочэна. Его сон теперь зависел лишь от того, совпадает ли время приступа с моментом полного истощения сил. Если они совпадали, то даже при смертельной усталости невыносимая боль и галлюцинации не давали ему покоя, заставляя всю ночь балансировать на грани безумия. С прогрессированием болезни устойчивость к сильнодействующим препаратам росла, и он уже давно не спал так долго и непрерывно.

В девять вечера, очнувшись, Гу Шаочэн на мгновение замер. В просторной спальне горел лишь декоративный торшер у окна. Мягкий, приглушённый желтоватый свет окутывал комнату, придавая всему уютный вид. На полке у кровати лежали полотенца, а юноша, почти всем телом прикинувшись к краю кровати, спал, положив голову на руки. Было видно, что он присматривал за ним, пока тот был без сознания.

Из-за того, что Юй Юань лежал на боку, его щека была слегка прижата, а пухлые, ярко-красные губы чуть выпятились, придавая его и без того утончённым чертам лица детскую прелесть. Когда Юй Юань только пошёл в старшую школу, у него ещё были мягкие пухлые щёчки, но после того, как у приёмной матери диагностировали третью стадию пневмокониоза, а денег на лечение и пересадку лёгких не было, он резко похудел, черты лица заострились, а контуры стали более выразительными.

Гу Шаочэн знал об этом из прошлой жизни, поэтому, видя, что Юй Юань не совершил ничего по-настоящему ужасного, решил дать ему шанс. Проведя слишком много времени в грязи, он предпочёл верить, что хитроумный обман Юй Юаня был продиктован лишь желанием спасти приёмную мать. Память была спутана, поэтому он решил руководствоваться принципом презумпции невиновности: если суждено прожить долго, то потом можно будет свести счёты, но при его состоянии... пусть этот мошенник пока поживёт спокойно.

Мужчина медленно сел. Днём он ударился затылком о подлокотник, и теперь там пульсировала тупая боль. Он помнил слова Юй Юаня перед побегом: «Не разведусь». Глубокий взгляд скользнул по хрупкой фигуре юноши, освещённой мягким светом. Свободный подол рубашки задрался, обнажая тонкую белую талию и тёмно-фиолетовый синяк.

Гу Шаочэн нахмурился. Вдруг зазвонил телефон, и ресницы спящего Юй Юаня дрогнули. Гу Шаочэн отвёл взгляд ещё до того, как тот успел открыть глаза.

— Да, в кабинете на втором этаже, — голос мужчины прозвучал хрипло и сухо.

Услышав разговор, Юй Юань мгновенно проснулся. Он выпрямился, инстинктивно прижавшись спиной к спинке стула — привычка держать дистанцию с людьми взяла верх. Гу Шаочэн краем глаза заметил это движение, в его глазах блеснул холодный огонёк. Положив трубку, он ледяным тоном бросил:

— Не разведёшься?

Днём Юй Юаню казалось, что он привык к Гу Шаочэну, но сейчас, когда от того исходила острая, колючая аура, у него пересохло в горле, а дыхание перехватило. Оказалось, он привык лишь к полуживому состоянию Гу Шаочэна. Юй Юань моргнул и медленно кивнул. Он хотел сказать о своей решимости остаться, но ему требовалось время, чтобы собраться с духом. Однако взгляд Гу Шаочэна, острый, как плазменный меч, заставил все слова застрять в горле, а тело — снова мелко задрожать.

Эта покорность, смешанная с нескрываемым страхом, вызвала у Гу Шаочэна вспышку глухой ярости. Но в следующую секунду он отвёл взгляд, и в глазах снова воцарилось безразличие. Раз уж он настаивает на том, чтобы остаться, что ж, он с ним поиграет.

— Отвези меня в кабинет, — вдруг бросил Гу Шаочэн в пустоту.

Юй Юань кивнул, хотя и подумал: неужели электрическое кресло-коляску нужно толкать? Разве эта штука не похожа на прогулочный транспорт для стариков, на котором можно даже гонять? Но эта мысль тут же улетучилась. Вспомнив, что Гу Шаочэну осталось недолго, Юй Юань прижал кулак к груди: «Никогда не забуду твою доброту, буду заботиться о тебе до конца!»

Когда Юй Юань вкатил кресло в кабинет, там уже ждало немало людей. Двустворчатые двери были распахнуты настежь. Кабинет в их главной спальне казался Юй Юаню самым просторным и роскошным из всех, что он видел, но здесь, на втором этаже, он понял, что его представления о богатстве были скромными. Кабинет Гу Шаочэна напоминал небольшую библиотеку. Потолки высотой в три этажа, стены, сплошь уставленные книгами, разные зоны для работы и отдыха, а в центре — приёмная зона.

Матушка Чжан сидела в кресле под присмотром двух охранников. Её волосы растрепались, а

глаза, ещё утром горевшие недобрым блеском, теперь безжизненно смотрели в пол. Было видно, что она плакала: чтобы избежать отправки в родовое поместье, она весь день простояла на коленях, и это наказание измотало её. Однако, согласно приказу Гу Шаочэна, она должна была стоять до утра, но охранники привели её в кабинет сразу после девяти, что укрепило её в догадке: болезнь Гу Шаочэна помутила его рассудок, и, возможно, он просто благоволит к этому «чунси-игрушке», а как только станет лучше — сразу её отпустит.

Матушка Чжан, даже стоя на коленях в родовом храме, умудрялась следить за перемещениями Гу Шаочэна. Она знала, что он потерял сознание почти сразу после ухода, и проснулся только сейчас. Поэтому, несмотря на жалкий вид, в душе она чувствовала себя победительницей. Она собиралась сыграть роль жертвы, а потом, как обычно, упомянуть Старшую мисс Гу, чтобы уколоть Гу Шаочэна и заставить его осознать, как «непочтительно» он себя вёл. Она великодушно простит его, и чувство вины будет грызть его изнутри. А что до этого никчёмного мальчика, присланного для ритуала... какой бы симпатией он ни пользовался, это ненадолго. Она легко справилась с няней, которая вырастила Гу Шаочэна, неужели не справится с Юй Юанем?

Но она ждала, а Гу Шаочэн не спешил извиняться. Матушка Чжан глубоко вздохнула, готовясь разрыдаться, но едва она открыла рот, как охранник у двери доложил:

— Господин, Дядюшка Линь прибыл.

Матушка Чжан замерла. Увидев вошедшего, она побледнела. Она сразу поняла, что всё идёт не по плану.

Линь Дэфэн и его жена всю жизнь прослужили в Клане Гу. Дядюшка Линь был водителем, а тётушка Линь — няней, которая растила Гу Шаочэна. Отношение тётушки Линь к Гу Шаочэну было не менее тёплым, чем отношение Старшей мисс Гу к Матушке Чжан. После того как Матушку Чжан приставили к вилле, между ними постоянно шла скрытая борьба. Всё закончилось, когда Гу Шаочэн в приступе безумия толкнул тётушку Линь с лестницы — она разбила журнальный столик и осталась парализованной. Только тогда Матушка Чжан стала полноправной хозяйкой виллы.

Дядюшка Линь, войдя, лишь мельком взглянул на Гу Шаочэна и тут же отвернулся. Ему было за сорок, но волосы почти полностью поседели, а впалые щёки делали его ещё старше, чем Матушку Чжан. Его отношение к Гу Шаочэну было сложным: своих детей у них с женой не было, и, хотя он знал, что Гу Шаочэн — избалованный молодой господин, за долгие годы между ними возникла особая связь. А тётушка Линь и вовсе любила его как родного. Но всё оборвалось в тот день, когда Гу Шаочэн в припадке едва не убил её. Глядя на парализованную жену, он не мог не ненавидеть Гу Шаочэна. Но он понимал, что болезнь — это щит, за которым тот может творить что угодно, а Клан Гу всё замнёт. Ему оставалось лишь смириться.

Убедившись, что все в сборе, Гу Шаочэн кивнул охраннику, и тот вывел всех лишних. Юй Юань, притаившийся в углу, тоже хотел уйти, но Гу Шаочэн жестом остановил его. Не понимая, в чём дело, Юй Юань снова вжался в стену.

Мужчина нажал на кнопку воспроизведения, и на проекторе появилось размытое изображение. Камеры тех лет не давали чёткой картинки, но достаточно было видно, что с лестницы тётушку Линь толкнул не Гу Шаочэн, а Матушка Чжан. Поскольку та ухаживала за Старшей мисс Гу, она знала всё о болезнях и, перейдя к Гу Шаочэну, взяла на себя контроль за его лечением. В тот день у Гу Шаочэна был приступ, бред и галлюцинации делали его невероятно буйным. Он помнил лишь, как крушил всё вокруг. Когда он очнулся в больнице и узнал, что толкнул тётушку Линь, он был в ужасе и раскаянии. Он был под таким сильным действием лекарств, что когда журналисты, переодевшись, стали задавать вопросы, он сорвался и едва не набросился на них. Его безумие было задокументировано. Даже когда Старый господин Гу всё скрыл, слухи расползлись, и дурная слава закрепилась за ним навсегда. С тех пор дозировка лекарств росла, состояние ухудшалось, и он не смел показаться тётушке Линь на глаза...

Гу Шаочэн закрыл глаза, подавляя кровавую пелену перед взором. Он посмотрел на Дядюшку Линя, чьё лицо побагровело от гнева, и сказал с намёком:

— Матушка Чжан усердно молилась, долго стояла на коленях, ноги затекли — вот и оступилась на лестнице. Бывает.

Голос его звучал тихо и безразлично, но Матушка Чжан, чьё лицо уже было серым, вдруг вытаращила глаза:

— Молодой господин! Вы не можете так со мной поступить! Я... я тогда по глупости! Пожалейте меня, я столько лет служила... ради Старшей мисс Гу, умоляю!

Женщина, ещё недавно державшаяся так высокомерно, теперь билась головой о ковёр. Гу Шаочэн перевёл взгляд на старшего охранника:

— Помоги Дядюшке Линю.

Здоровяк кивнул и, как котёнка, поднял Матушку Чжан. Та была в панике. Она знала, что случилось с тётушкой Линь, и понимала: Гу Шаочэн хочет её убить!

— Старшая мисс Гу не хочет вас видеть! Если бы не я, вы бы и слова о ней не услышали! Каждый раз, когда у неё приступ, она хочет вас задушить, как тогда! — кричала она, зная, куда бить. — Вы так со мной поступаете? Она будет ненавидеть вас ещё больше, монстр!

Охранник, увидев ледяной взгляд Гу Шаочэна, замешкался, давая ей возможность выкрикнуть всё это. Гу Шаочэн смотрел прямо на обезумевшую старуху:

— Не волнуйся, я лично позвоню дворецкому и попрошу его передать матери о твоём «несчастном случае».

Когда Матушку Чжан утащили, Дядюшка Линь, остыв, поклонился и вышел. Гу Шаочэн сидел напротив дверей, наслаждаясь тем, как «справедливость» настигла Матушку Чжан. Хотя он не хотел поддаваться провокациям старухи, в висках запульсировала боль. До следующего приступа было меньше суток. Это означало, что времени в сознании оставалось всё меньше, но этого хватит, чтобы отправить их всех в ад. В его глазах вспыхнуло безумие.

Слушая крики Матушки Чжан, он притянул Юй Юаня к себе. Юй Юань, потрясённый увиденным, почти забыл о своей социофобии, но, оказавшись в объятиях мужчины, почувствовав терпкий древесный аромат и жар его тела, отчётливо ощутил, как кровь ударила в голову. Он задрожал.

Гу Шаочэн не собирался его отпускать. Сжав щёки Юй Юаня, он заставил его смотреть, как вдали происходит «несчастный случай». Раздался пронзительный крик — Матушка Чжан оступилась и покатилась вниз. Гу Шаочэн удовлетворённо почувствовал дрожь в теле юноши. Его губы почти касались кожи за ухом Юй Юаня:

— Видел, что бывает с предателями?

Юй Юань, дрожа, прошептал:

— Нет...

Гу Шаочэн нахмурился, решив, что тот упрямится. В следующую секунду Юй Юань, собравшись с духом, пролепетал:

— Очки... очки потерял... правда... ничего не вижу...

Юй Юань дрожал как осиновый лист, он был так напуган, что ему было не до Матушки Чжан. Ответ Юй Юаня был настолько далёк от того, что ожидал Гу Шаочэн, что у того от удивления даже виски прострелило болью. Он закрыл глаза, пытаясь прийти в себя, и тут чётко услышал громкое: «Гур-гур-гур...» — доносившееся из живота юноши.

— М? — Гу Шаочэн опешил.

Юй Юань решил, что его спрашивают, почему живот так громко урчит. Для него это было обычным делом.

— Это кишечные шумы из-за голода, — выпалил он, не задумываясь. — Чем сильнее голод, тем активнее сокращается желудок. А поскольку вы меня обнимаете, звук передаётся через тело, поэтому он такой громкий.

Сказав это, Юй Юань снова затрясся и забился в угол, стараясь не касаться мужчины. Гу Шаочэн, у которого раскалывалась голова, подумал, что у него галлюцинации. Он тяжело

вздохнул, отодвинул юношу и, шатаясь, потянулся к ящику за лекарством.

<http://bllate.org/book/18656/1798156>